

Д.И. Дубровский

Проблема познания чужой субъективной реальности

1. Суть проблемы

Это – один из аспектов классической проблемы «другого сознания», которая в современных условиях становится все более актуальной. В ней тесно переплетаются философские и сугубо научные подходы¹. Ее теоретический анализ способен в существенной мере содействовать разработке тех аспектов проблемы сознания, которые стали особенно актуальными в условиях информационного общества (среди них – задачи понимания подлинных намерений другого субъекта, разоблачения обмана и т. д.). Центральное место здесь занимает вопрос о субъективной реальности (далее сокращенно – СР). Именно это специфическое и неотъемлемое качество сознания составляет главную трудность в его научном объяснении, в том числе и в тех случаях, когда речь идет о понимании сознания (содержания СР) другого человека. Но дело не ограничивается только человеком. Качество СР присуще и психике животных, которая имеет ряд общих черт

¹ Проблема «Другого сознания» крайне слабо освещена в нашей философской литературе. Сравнительно широко она обсуждается в аналитической философии. См. обзорную статью по этой теме в «Стэнфордской философской энциклопедии», а так же раздел «Knowing Other Minds» в антологии *The Nature of Mind* / Ed. by *D.M. Rosenthal*. N. Y.–Oxford, 1991; монографии: *Wisdom J. Other Minds*, 2nd. ed. Oxford, 1968; *Hyslop A. Other Minds*, Dordrecht, 1995; *Avramides A. Other Minds*, L., 2001. Ряд важных аспектов этой проблемы анализируется в основательном коллективном труде по философским и научным исследованиям сознания: *The Blackwell Companion to Consciousness* / Ed. by *M. Velmans, S. Schneider*. Oxford, 2007.

с сознанием человека и единый с ним эволюционный источник. Кроме того, теоретически мыслимо существование других типов СР (в иных звездных мирах) и возникновение новых разновидностей СР в результате развития информационных технологий и симбиозов человека с искусственными информационными системами. Во всяком случае, размышления в этом направлении и мысленные эксперименты, опирающиеся на такие посылки, способны иметь немалое эвристическое значение.

Важно подчеркнуть, что проблема познания чужой СР многопланова, включает существенные социально-психологические, лингвистические, социокультурные и другие аспекты. Здесь предполагается рассмотреть лишь ее ключевые теоретические вопросы.

Можно выделить прежде всего два таких взаимосвязанных вопроса:

1) каковы критерии (или хотя бы основания для определения) того, что некоторый внешний объект обладает СР (а не просто выполняет разумные действия, как это предполагается, например, Тестом Тьюринга и его современными модификациями); что требуется для диагностики наличия или отсутствия у него этого качества?

2) как возможно и как достигается познание (понимание) содержательно определенных состояний СР другого существа, прежде всего человека (хотя это должно быть отнесено и к животным).

Первый вопрос акцентирует внимание на специфике самого качества СР, его онтологическом статусе, на его месте и роли в объективной действительности, учитывая то неперемнное обстоятельство, что явлениям СР нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию, пространственные отношения). Какова должна быть организация той системы, у которой возникает это уникальное качество и как объяснить его связь с физическими процессами, образующими такую систему? Второй вопрос ставит главным образом эпистемологические задачи, связанные с анализом и пониманием содержания СР другого человека (но вместе с тем и своей собственной СР). Здесь в центре внимания стоят коммуникативные аспекты познавательного процесса, касающиеся установления не только истинности, но и *подлинности* содержания СР другого

человека. При этом важно не упускать из виду необходимую связь онтологических и эпистемологических аспектов данной проблематики, а постольку установку на их взаиморефлексию.

2. Общая характеристика качества субъективной реальности

Оно обозначается в философской и психологической литературе различными, но близкими по значению терминами «феноменальное», «ментальное», «субъективный опыт», «интроспективное», «квалиа». Понятие СР охватывает как отдельные явления и их виды (ощущения, восприятия, чувства мысли, желания, волевые усилия и т. д.), так и целостное персональное образование, выражаемое нашим Я, взятом в его относительном тождестве самому себе, а тем самым в единстве его рефлексивных и арефлексивных, актуальных и диспозициональных состояний.

Важный онтологический аспект проблематики СР представлен вопросами о характере ее связи с мозгом и телесными процессами вообще. Эти вопросы вот уже более пятидесяти лет находятся в центре внимания аналитической философии, где они решаются по преимуществу с позиций редукционизма. Мною предложен нередукционистский вариант теоретического решения указанных вопросов, основанный на информационном подходе². Суть его в том, что связь явления СР с соответствующим ему мозговым процессом определяется как связь информации с его носителем. Этот особый тип функциональной связи представляет собой сложившуюся *кодovou зависимость*, и ее исследование ставит задачу расшифровки кода, которая в отличие от классических задач естествознания включает герменевтический аспект.

СР знаменует особый, высоко интегрированный уровень информационных процессов в нашем головном мозге и особый способ информационного управления. В явлениях СР мне (и каждому) дана информация как бы в «чистом виде» – в том смысле, что я

² См.: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., 1971; *Он же*: Информация, сознание, мозг. М., 1980; *Он же*: Проблема идеального. М., 1983 (2-е доп. изд. М., 2002); *Он же*: Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007 и др.

совершенно не ощущаю ее нейродинамический носитель, не чувствую, что происходит при этом в моем мозгу. Но вместе с тем нам дана *способность оперировать этой «чистой» информацией* в довольно широком диапазоне и использовать ее для управления поведением, т. е. способность немедленно конвертировать эту «чистую» информацию в определенное действие. Таковы кардинальные факты нашей психической организации, выработанной в ходе эволюции и антропогенеза.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, почему и как возникло в ходе биологической эволюции само качество СР³, важно отметить, что всякое явление СР есть не просто информация о каких-то изменениях во внешнем мире или в самом организме, а *информация об этой информации*. Именно в таком виде СР презентуется индивиду, и этим отличается от информационных процессов, которые протекают «в темноте». Развитие психики знаменует рост многоступенчатости и многоплановости производства *информации об информации*. Это создает возможность обобщать свой опыт, выходить за рамки текущей ситуации, развивать способность «отсроченного действия», прогнозирования, построения моделей «пробных действий», что резко расширяет диапазон освоения внешнего мира, приспособляемости и выживания в экстремальных ситуациях. Именно качество СР служит первоисточником *виртуальной реальности*, элементарные формы которой наблюдаются и у животных (о чем свидетельствуют, например, факты галлюцинаций у собак). Но только у человека свобода движения в сфере СР практически не ограничена. Он способен производить в мысли, воображении, в мечтах не только ценные творческие продукты, но и всевозможные химеры, «воздушные замки», нагромождения низменной «серости», нелепости и абсурда.

³ Подробнее об этом см.: Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (ответ Д. Чалмерсу) // Вопр. философии. 2007. № 3.

3. Некоторые эпистемологические вопросы

Каким путем можно определить и обосновать знание о подлинном содержании СР другого, если только я имею непосредственное знание о содержании своих мыслей, представлений, чувств и т. п., а другой может попытаться узнать об этом лишь косвенным образом, слушая мои слова, наблюдая мое поведение, выражение глаз и т. п.? В большинстве случаев концептуальные построения, стремящиеся ответить на этот вопрос, основываются на «*аргументе от аналогии*», восходящем к Декарту и Локку. Суть его в том, что знание о другом сознании обусловлено знанием о собственном сознании. Я знаю типичные корреляции между состояниями своей СР и их внешними проявлениями (реакциями, поведением, речевыми актами и пр.). Наблюдая подобные внешние проявления у другого, я могу судить о состояниях его СР. Кроме того, часто ссылаются на аналогичную телесную структуру и физиологию (например, наличие глаз свидетельствует о наличии зрения, и значит, о наличии субъективных образов, и т. п.). Существуют различные версии использования указанного аргумента, в том числе опирающиеся на понимание речи.

Сознавая слабость «аргумента от аналогии», его не раз пытались «усовершенствовать». По словам Н.Малкольма, он все время «находится в ремонте»⁴. Основательной критике его подвергали П.Стросон, С.Шумэйкер и др.⁵. Заслуживает внимания критика «аргумента по аналогии» под углом рассмотрения позиции солипсизма. Здесь интересен анализ интерсубъективной нагруженности высказываний от первого лица о собственном Я, соотношения в такого рода высказываниях «личного» (private) и «публичного» (public), что позволяет вскрыть самопротиворечивость солипсизма и тем самым указать на неразрывную связь «моего сознания» с «другим сознанием» (см. статью Торнтон (St.P.Thornton) «Солипсизм» в «Стэнфордской философской энциклопедии»). Однако это все же оставляет в тени самый трудный пункт о *способе существования* «содержания» и о специфике самого качества

⁴ Malcolm N. Knowledge of Other Mind // The Nature of Mind / Ed. by D.M.Rosenthal. N. Y.—Oxford, 1991.

⁵ См. в этой же антологии следующие публикации: Strawson P.F. Person; Shoemaker S. How is Self-Knowledge Possible.

ментального состояния. В рамках аналитической философии проблема другой СР обсуждается и в плане обширной литературы, посвященной мысленным экспериментам с т. н. «зомби»⁶.

Основные контрагументы против концепций, опирающихся на «аргумент от аналогии», можно свести к трем: 1) для многих субъективных состояний связь между ними и их внешними проявлениями многозначна; 2) в большинстве случаев мы описываем свои состояния СР для себя таким образом, что при этом вообще отсутствуют бихевиоральные критерии; 3) оценка собственных ментальных состояний бывает ошибочной⁷.

Характерно, что Б. Рассел, называя «аргумент от аналогии» «туманным», тем не менее прибежал к нему⁸. Трудно принять и концепцию «другого сознания» Гуссерля⁹. Он конструирует трансцендентальное Эго, опирается на аналогизирующую апперцепцию смысла собственного сознания, на аналоговую проекцию его смысла на другую телесность, стремится преодолеть противоречия, возникающие при обосновании intersубъективности.

На мой взгляд, однако, важно подчеркнуть следующую общую черту практически всех указанных концепций «другого сознания»: неустранимость идеи «анalogии», исходной посылки «моего сознания» и апелляции к «другой телесности». Вопрос, конечно, в том, как интерпретируются и применяются эти понятия и поло-

⁶ См. об этом: *Алексеев А.Ю.* Понятие «Зомби» и проблема сознания // Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И.Дубровского. М., 2009; *Нагуманова С.Ф.* Достаточен ли «аргумент мыслимости» для опровержения материалистического понимания сознания? // Проблема сознания в философии и науке. М., 2009.

⁷ См. так же: *Филатов В.П.* Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2005. № 3. Автор справедливо подчеркивает значение проблемы «Другого сознания» для методологии социально-гуманитарных наук и слабость разработки этой крайне актуальной тематики.

⁸ *Russel B.* *Analogy* // *The Nature of Mind* / Ed. by D.M.Rosenthal. N. Y.–Oxford, 1991.

⁹ Она проанализирована Н.М.Смирновой в сопоставлении с концепциями Шютца и Шеллера, представляющими для нашей темы существенный интерес (*Смирнова Н.М.* Трансцендентальная intersубъективность, проблема «чужих сознаний» и искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006; *Ее же:* Intersубъективность и проблема «других сознаний» // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И.Дубровского и В.А.Лекторского. М., 2011.

жения. Но несомненно, что отмеченное обстоятельство свидетельствует об их важной роли в разработке проблемы. При этом наиболее острым является вопрос о правомерности исходной посылки «моего сознания» (моей СР) для познания чужой СР.

4. «Мое сознание» и «другое сознание»

Элементарный эпистемологический анализ показывает взаимопологаемость в ряде существенных отношений «моего сознания» и «другого сознания». Очевидна категоризованность даже самых простых чувственных переживаний, интерсубъективная нагруженность множества моих актуальных и диспозиционных состояний СР, моих «отчетов от первого лица» для себя. С другой стороны, те, кто берет за первичное, исходное некий уже готовый интерсубъективный препарат сознания, т. е., вслед за Шеллером, утверждают, что «сфера Мы предшествует сфере Я», всегда неявно противоречат самим себе, хотя бы потому, что их утверждения от «третьего лица» производятся ими от себя, т. е. «от первого лица» и, следовательно, неявно опираются на уже «готовое» теоретическое решение о первичности «Мы» по сравнению с «Я», т. е. на то, что еще требуется доказать. Конечно, в некоторых отношениях спор о том, что «первично» Я или Мы, напоминает спор о курице и яйце. Однако в других отношениях ситуация не столь парадоксальна.

Среди представителей аналитической философии и особенно когнитивных наук получила широкое распространение т. н. Теория Теории (сокращенно она именуется в текстах, где о ней ведется речь, ТТ). Ее предметом является процесс и результат *самоосознания* (*self-awareness*). Суть ТТ в том, говоря кратко, что знание о собственных ментальных состояниях достигается теми же средствами, что и знание о ментальных состояниях другого. Есть якобы теория, объясняющая познание ментальных состояний других людей (обозначается «ТоМ»), она прилагается к познанию собственных ментальных состояний и дает их объяснение, является их теорией (отсюда – ТТ). Авторы и активные сторонники ТТ (А.Гопник, А.Мельцофф, Х.Веллман, У.Фритц и др.) вслед за У.Селларсом, Г.Райлом и др. объявляют иллюзией феномены «непосредственно

данного» и «привилегированного доступа», сводят ментальное к сугубо когнитивному содержанию, используют другой редукционистский репертуар.

В последние годы, однако, в аналитической философии нарастают антиредукционистские тенденции. Одним из проявлений этого является жесткая критика, которой подвергается ТТ. Примером может служить обстоятельное исследование Ш.Николс и Ст.Стич¹⁰. Они показывают, что отображение («чтение») ментальных состояний другого невозможно без адекватного отображения собственных ментальных состояний и что между последним и первым нет необходимой связи. ТТ противоречит феноменологическим данным и не объясняет нашей способности самоосознания, которая связана со специальным когнитивным механизмом самоотображения (именуемым «механизмом мониторинга»). Они приходят к выводу, что этот механизм носит фундаментальный характер, действует во всяком ментальном акте и, что особенно важно, не имеет логически необходимой связи со словесным отчетом.

Следует подчеркнуть, что вопросы, касающиеся познания собственных явлений СР, остаются узким местом в проблеме «другого сознания». Традиционная эпистемология не располагает достаточными средствами для анализа вопросов такого рода, большей частью выносит их за скобки. Поэтому здесь хотелось бы кратко повторить и дополнить некоторые положения, высказанные уже в моих публикациях¹¹ об особенностях познания СР и ее «первичности» в разработке ряда важнейших аспектов проблемы сознания.

СР есть исходная форма всякого знания. Любое высказывание от третьего лица имеет первоначальную форму высказывания от первого лица, т. е. всякий познавательный акт непременно включает в том или ином виде отчет от первого лица для себя и лишь по-

¹⁰ См. раздел «Knowing Mental States» в сб.: *Consciousness. New Philosophical Perspectives*. Oxford, 2003, особенно статью в этом разделе: *Nichols Sh., Stich St. How to read your own Mind: A cognitive Theory of Self-Consciousness*. См. так же в этой связи одну из наиболее репрезентативных публикаций, посвященных защите «Теории теории»: *Gopnik A., Wellman H. The Theory Theory // Mapping the Mind / Ed by S.Gelman, L.Hirschfeld. Cambridge, 1994.*

¹¹ См.: *Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности. К постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2; Он же: Проблема идеального. Субъективная реальность. Изд. 2-е, доп. М., 2002. Гл.: Структура субъективной реальности. С. 83–116; Он же. Новое открытие сознания? (По поводу книги Дж. Сёрла «Открывая сознание заново») // Вопр. философии. 2003. № 7.*

том – для другого. Такого рода отчет для себя, когда он уже сложился (санкционирован «вероятельными» регистрами и проработан словесно), может быть представлен в интерсубъективной форме, т. е. в виде отчета от третьего лица. Мы склонны слишком поспешно вещать от имени некоего анонимного надличностного субъекта, не рефлексировав указанную ситуацию, теряя чувство того, что говорим не более чем от себя (разумеется, опираясь на избранные нами те или иные социокультурные клише, символы веры, расхожие соображения и т. п. «общности», – но это нисколько не меняет сути дела). Я называю этот феномен **«отрешенностью от себя»**.

Всякое явление СР включает *фундаментальную способность самоотображения себя, оно есть единство иноотображения и самоотображения*. Эта способность самоотображения сохраняется даже в условиях тяжелой психической патологии (в виде сохранения чувства *принадлежности* переживаемого явления СР своему Я), что свидетельствует о ее глубоких эволюционных корнях. Если самоотображение неадекватно, то неадекватно отображение в целом, не говоря уже о неэффективности интуитивного и иного самоконтроля. Это однозначно подтверждается многочисленными данными психопатологии.

Учет изложенных положений, характеризующих «мое сознание», – неперемное условие понимания (познания) «другого сознания». Такого рода понимание (знание) достигается тоже в исходной форме от первого лица. Тем не менее оно не является дублированием мной явлений СР другого, а представляет собой воспроизведение некоторых инвариантов их содержания; так обстоит дело даже в случае эмоциональных сопереживаний (и, добавлю, даже в случаях воспоминания, воспроизведения своих субъективных переживаний).

Несмотря на слабость теоретических разработок проблемы другой СР, в практическом отношении, в повседневной жизни мы решаем ее более или менее удовлетворительно, опираясь на наши врожденные способности, речевые коммуникации, лингвистические средства общения (мимика, жесты, особенно выражение глаз), разнообразный опыт и знания. «Способность восприятия чужого психического состояния, – отмечает известный психолог А.Кемпински, – появляется на очень раннем этапе онтогенетического развития», что свидетельствует о ее обусловленности функциями филогенетически «старых»

этажей нервной системы. Это – «древнейший тип познания», «объективность и достоверность познания чужого психического состояния – неперемutable условие сохранения жизни»¹².

Мы постоянно используем арсенал средств, накопленный «народной психологией» и, я бы добавил, «народной эпистемологией». Они охватывают и предъявляют нам колоссальный исторический опыт эмпирических обобщений и вероятностей, касающийся врожденных и приобретенных способностей человека общаться не только с другими людьми и животными, но и с самим собой (аутокоммуникация, играющая столь важную роль в «моем сознании!»). Это – живой источник здравого смысла и неперемutable базис всех эмпирических и теоретических разработок проблемы «другого сознания». Каждый из нас руководствуется опытом такого рода, причем большей частью интуитивно, отдавая при этом предпочтение прежде всего оценке *действий* того человека, субъективные состояния которого хотим понять.

Надо заметить, однако, что в условиях информационного общества с его гигантским нагромождением коммуникативных процессов, непомерным ростом сферы неопределенности, изощренными способами манипуляции сознанием и обманных действий особенно обострилась проблема критериев реальности, т. е. определения *подлинности*, содержания сообщений другого субъекта о его чувствах, намерениях, желаниях, мыслях, решениях. Эти критерии, действующие большей частью интуитивно, возникли и миллионы лет шлифовались в ходе эволюции, а затем антропогенеза и истории общества; сейчас они часто дают осечку. Речь идет о соответствующих глубинных санкционирующих механизмах, которые вместе с тем развиваются в процессе индивидуального опыта и над которыми надстраиваются различные более поздние эмоциональные, чувственные и рациональные способы оценки подлинности.

5. Коммуникативный подход к проблеме «Чужой СР» и научная герменевтика

В сущности, всякое познание «содержания» явлений СР другого человека представляет процесс и результат коммуникации. Это – акт понимания, требующий герменевтического анализа, «перемещения

¹² Кемпински А. Познание больного. Минск, 1998. С. 34–35.

в чужую субъективность», как говорил Дильтей. Это прежде всего тот аспект постижения «другой СР», о котором говорил Т.Нагель в своей знаменитой статье «Что значит быть летучей мышью? («What is like to be a Bat?»). Представители аналитической философии обозначают его термином «*каково это быть*» («другим»), т. е. чувствовать себя другим. Т.Нагель считает, что субъективный мир летучей мыши нам недоступен. Но в близком к тому смыслу, который он имеет в виду, нам недоступен и уникальный внутренний мир другого человека. Тем не менее опыт показывает, что мы способны познавать «уникальное», «неповторимое» путем интуитивного постижения тончайших общностей и различий и формирования прицельных инвариантов множества единичных, уникальных явлений. Ведь и собственную «уникальность» и «неповторимость» мы рефлексируем посредством некоторых инвариантов. Познание уникальности субъективного мира «Другого», как и познание уникальности вообще, остается трудной эпистемологической проблемой, которая, однако, поддается разработке, не является безнадежной.

Проблема «другого сознания» в общем плане – предмет *философской герменевтики* (в духе Дильтея, Гуссерля, Гадамера, а с другой стороны, у представителей аналитической философии); она имеет первостепенное значение для исторической науки, различных областей гуманитарного знания, культуротворческой деятельности в целом. Однако, в связи с задачей понимания, можно говорить также о *художественной герменевтике* (глубоком постижении другого сознания, человеческих типов, характеров, сокровенных переживаний средствами художественной литературы, музыки, театра, иных видов искусства) и *научной герменевтике*. Последняя ставит задачи понимания более широко – как постижение информации, воплощенной в некотором материальном носителе. Это – *задача диагностики кодового объекта* (т. е. такого объекта, который действительно несет в себе определенную информацию) и *задача расшифровки кода*¹³.

Не говоря уже о различных областях естествознания, она стоит на первом плане в археологии, криминологии, лингвистике, этнографии, в тех специальностях, которые имеют дело с тайны-

¹³ См. подробнее: Дубровский Д.И. Расшифровка кодов: методологические аспекты // *Вопр. философии*. 1979. № 12. Статья перепечатана в моей книге: *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. М., 2007.

ми, загадочными шифрами. Вспомним расшифровку языка майя Ю.Кнорозовым или факт расшифровки японской контрразведкой изошрненного кода Рихарда Зорге. Здесь необходимо учитывать методы и результаты криптологии – специальной и весьма развитой науки, изучающей создание шифров и способы их «взлома», историю «эволюционной борьбы» шифровальщиков и дешифровщиков¹⁴. Возникновение компьютеров подняло криптологию на новую ступень. Специалисты высказывают мнение, что создание квантовых компьютеров позволит расшифровывать без особых трудностей любые коды, созданные человеком.

Научная герменевтика, однако, шире криптологии и более основательно рассматривает проблему кодирования и декодирования, охватывает область биологических, психологических и социокультурных кодов, выясняет их роль в процессах жизнедеятельности и в социальной самоорганизации. Поскольку нас интересует проблема другой СР, ограничимся этим планом рассмотрения.

Что означает в данном отношении задача расшифровки кода и акт понимания информации? Ведь информация необходимо воплощена в своем носителе, и значит, всегда существует лишь в определенной кодовой форме. Поэтому *расшифровка кода может означать лишь одно: перевод, преобразование «непонятного» кода в «понятный» для данной самоорганизующейся системы*, т. е. в такой код, который «открывает» для нее информацию и делает доступной для управления (я называю первый тип кода «чуждым», второй – «естественным»); простейшая иллюстрация: незнакомое английское слово и его перевод). Мы можем не знать устройство «естественного» кода, но как бы непосредственно обладать содержащейся в нем информацией, ярким примером этого является взгляд. Почему определенное изменение жидкой среды глаза несет нам часто столь значимую информацию о субъективных состояниях другого? Это – загадка; но мы зачастую весьма точно и почти мгновенно понимаем «выражение глаз». Разумеется, здесь тоже происходит расшифровка кода, но протекает она «автоматически», на бессознательном уровне, и когда мы говорим, что «содержание» взгляда нам понятно, то это означает осознание уже «готового» результата. Акт успешной

¹⁴ Синг С. Книга кодов. Тайная история кодов и их «взлома». М., 2007.

коммуникации есть цепь (или сеть) кодовых преобразований, которые в итоге «открывают» мне информацию о некоторых явлениях СР, переживаемых другим человеком.

Я хочу остановиться на этих специальных вопросах, поскольку уверен, что решающие сдвиги в разработке проблемы «другой СР» будут достигнуты на путях научной герменевтики. Разумеется, философскую и научную герменевтику не следует противопоставлять друг другу, они связаны, должны сотрудничать, хотя у них во многом разные цели и методы. Что касается эпистемологии и методологии науки, то понятно, что они могут быть в высшей степени полезны научной герменевтике. Она же, думаю, стоит на пороге крупных достижений, способных повлиять на судьбы нашей цивилизации

Когда философ ставит проблему «другой СР», то он явно или неявно исходит из наличия коммуникативной ситуации. Субъект знает, что такое СР, лишь по себе (так сказать, от первого лица). Это знание имеет по крайней мере два аспекта: 1) субъект знает, что он обладает качеством СР, т. е. что он «находится в сознательном состоянии», переживает «чувство принадлежности» ему этого состояния, как выражаются психиатры; это – «немедленное» знание, «непосредственно данное» (термины из аналитической философии) и 2) субъект знает то определенное «содержание», которое он переживает в данном интервале, оценивает это «содержание» и может в определенной мере оперировать им. Разумеется, оба аспекта образуют единство, представляют акт *аутокоммуникации*. Другими словами, мое знание о моей СР возникает в процессе аутокоммуникации, протекающем в данном интервале. Здесь субъект и объект представлены в форме переменного соотношения модальностей «Я» и «не-Я», которая составляет базисную динамическую структуру СР¹⁵. Я располагаю способностью (средствами) «немедленного» определения наличия СР у себя. Вопрос в том, что эти средства даны мне диспозиционально и арелексивно: я знаю *что*, но не знаю *как*, т. е. знаю о наличии своей СР, знаю, что она дана мне сразу и непосредственно, но не знаю, каким образом это совершается, от какого рода информационных процессов в моем

¹⁵ Подробно эта базисная динамическая структура СР проанализирована в моей книге «Проблема идеального. Субъективная реальность» (2-е, доп. изд. М., 2002. Гл.: Структура субъективной реальности. С. 83–116).

(или другом) головном мозге это зависит. Поэтому решение вопроса о другой СР лежит на пути анализа информационных процессов, образующих коммуникативный акт.

Рассмотрим в упрощенном виде основные этапы процесса какой-либо элементарной коммуникации, в результате которой определенное содержание СР одного человека (скажем, переживание образа красной розы) становится достоянием другого (тоже в форме его СР). Данное содержание СР первого человека есть информация (обозначим это содержание знаком А), воплощенная в соответствующей мозговой нейродинамической системе (обозначим ее Х), и он хочет сообщить ее другому. Х есть «естественный» код А, в силу чего эта информация А дана мозговой эгосистеме (и значит, личности) непосредственно. Далее АХ инициирует словесный код АУ, последний преобразуется в моторный код АZ, программирующий и реализующий соответствующее словесное выражение – звуковой код АW. Воздействуя на слуховой аппарат второго человека, он вызывает в его мозгу обратную цепь кодовых преобразований и в итоге соответствующую мозговую нейродинамическую систему, близкую к Х, представляющую собой «естественный» код примерно той же информации А, переживаемой в форме субъективной реальности.

Конечно, на самом деле все гораздо сложнее, но суть дела обстоит примерно так. Здесь главным для нас является мозговой нейродинамический код Х, который, будучи «естественным», несет исходную информацию и представляет ее для личности (для меня и каждого) в «чистом» виде. Теоретически возможно выделить это кодовое образование, подключиться к нему и расшифровать его, минуя все сложнейшие его преобразования, ведущие к внешнему выражению этого информационного содержания в естественных коммуникациях (или к его внешней маскировке). Это означает, что оно будет выражено, например, в виде словесной записи (или как-то иначе) на приборе у того, кто осуществляет такую расшифровку кода (даже помимо воли обладателя указанной информации). Разумеется, в таком случае вполне возможно будет продлить коммуникативную цепь и обеспечить расшифровку указанного кода в форме дублирующего субъективного переживания соответствующего содержания у того человека, который осуществляет эту операцию расшифровки кода Х. Так, собственно, и происходит всякий

раз, когда речь идет о расшифровке кода человеком, ибо конечным этапом является *понимание* им некоторого ранее скрытого «содержания», *представленного ему сейчас в форме его СР*.

Вслед за расшифровкой генетического кода наука приближается к решению подобной задачи¹⁶. Но что означает ее решение для проблемы «другого сознания»? Появится *новый способ коммуникации*, но суть, в принципе, останется та же. Как и в случае понимания выражения глаз или понимания желаний человека путем наблюдения его действий, здесь будет совершаться процесс расшифровки кода, т. е. преобразования «чуждого» кода в «естественный» код типа X. Никакого «непосредственного» постижения «другой субъективной реальности» быть не может. Расшифровка нейродинамического кода типа X может означать только новый вид доступа к «содержанию» явлений СР другого человека.

Если такая задача будет решена даже в частном виде, то трудно вообразить масштаб возможных последствий. Размышляя о тех новых перспективах, которые откроются перед медициной, многими видами деятельности, межличностными и социальными отношениями, мы должны прежде всего иметь в виду негативные последствия этого, способных нести угрозу человечеству. Конечно, многие важные позитивные и особенно негативные последствия непредсказуемы. Но несомненно то, что негативные последствия такого нового вида коммуникации будут значительными, они смогут нарушить фундаментальные структуры социальной самоорганизации.

Наша земная социальная самоорганизация основывается на относительной автономности личности, что выражается в относительной «закрытости» ее внутреннего, субъективного мира. В пода-

¹⁶ Вопрос о возможности и путях решения указанной задачи ставился и специально обсуждался мной более тридцати пяти лет тому назад. См.: *Дубровский Д.И.* Проблема нейродинамического кода психических явлений (некоторые философские аспекты и социальные перспективы) // *Вопр. философии*. 1975. № 6. Сейчас в этой области достигнуты значительные результаты (например, вы переживаете заданный вам чувственный образ, и он без вашей помощи воспроизводится экспериментатором на экране компьютера. См.: *Miyawaki Y., Uchida H. et. all.* Visual Image Reconstruction from Human Drain Activity using a Combination of Multscale Local Image Decoders // *Neuron*. 2008. Vol. 60. Issue 5. P. 915–929. Особый интерес представляет работа: *Nishimoto Sh. et al.* Reconstructing Visual Experience from Brain Activity Evoked by Natural Movies // *Current Biology* (2011). doi: 10.1016/j.cub.2011.08.031.

вляющем числе случаев личность «открывает» и «закрывает» его по своей воле и весьма избирательно. Что произойдет, если это будет нарушено? Если личности станут «открытыми»? Или одни будут «открытыми», а другие «закрытыми»? Или небольшая группа «закрытых» сможет «открывать» кого захочет вопреки их воле? Ведь наверняка технологии расшифровки нейродинамических кодов явлений СР окажутся в руках государственных или крупнейших финансово-экономических структур, а не исключено, что и в руках некоего объединения злонамеренных лиц. Эти и другие вопросы такого рода вызывают серьезные опасения; вместе с тем они создают во многом новое поле для мысленных экспериментов и теоретического анализа относительно будущего земной цивилизации.

Нас все в большей степени волнуют вопросы о злонамеренных интенциях другой СР, о скрытых коварных замыслах, способных нести горе и гибель не только отдельным людям, но всему человечеству. Тем более, что в нашу эпоху системных инфраструктур единственный человек, реализуя свой преступный замысел, способен вызвать цепную реакцию колоссальной разрушительной силы.

А как быть с обманом, пропитывающим все поры социальной жизни, все межличностные и институциональные коммуникации; как быть с прокламированием честности, благородства и справедливости, под покровом которого вершатся самые гнусные дела? Эти вопросы имеют прямое отношение к проблеме «другой СР», они становятся все более острыми и актуальными в условиях информационного общества, нарастания глобализации и требуют пристального внимания философов.